

Елизавета Леонидовна Перская:

- 41-й год я не помню, а с 1942 года память мне все повторяет и повторяет - в картинках и красках, рисует все снова и снова... Попытаюсь эти картинки озвучить и еще раз напомнить, что победа ковалась не только на фронтах, хотя это было главное, но и в тылу оставались люди, и обездоленность была так сильна, что если бы не помощь друг другу, тыл бы тоже тяжелых испытаний не выдержал...

... Мы жили в двух комнатах в 208-квартирном доме по ул. Ленина, это рядом со Станционной. Напротив 32-я школа, ее сразу же переоборудована под госпиталь. Ее ученики занимались на квартирах. Наша семья тоже отдала одну комнату под учебный класс. А в здании школы сразу же - раненые, кровь... жизнь изменилась. Старшеклассники помогали больше, рыли траншеи, ходили на заготовку дров, а мы, малыши, помогали в госпитале. Готовили концерты, помню, я даже в четыре года выступала со стихом про Клим Ворошилова. Первый год войны был ОЧЕНЬ тяжелым, все уходило из дома в обмен на еду, а к 42-му мама осознала, что семье грозит голод. Она определилась в надомницы, шила солдатское белье. А дома отец без ног и я, малышка.

1942 год. Мама, донская казачка, из семьи, где было 11 детей. Земля для нее - это плоть и кровь, как у всех южных людей. Мама взяла лопату и пошла искать место для огорода. Рядом с нынешним Дворцом текстильщиков, с железнодорожными путями нашла ручей. Вместе с братом раскопали землю. Шубу обменяла на ведро картошки и посадила ее. И случился невероятный урожай, земля хотела родить. Собрали тогда десять (!!!) мешков картошки. Прекрасно помню - они стояли на кухне вдоль стены как солдаты, наши мешки. Мама сказала: четыре мешка беженцам и нищим, один мешок неприкосновенен, а пять нам...

...Осенью 42-го года постучали в дверь. Открыли. Я тоже выглянула. На пороге стояла молодая женщина в длинной фуфайке серого цвета. Женщина с громадными черными глазами. «Мы из Молдовы, только что прибыли с эшелонам. Не знаю, дойду ли до пункта сбора беженцев, где дают работу. Боюсь, умру. Я не ела 3 дня». Тут она распахнула пальто, - стоит голая, а к ней прилеплен к груди маленький ребенок... Мама только и сказала: заходите... На кухне, где стояли общие печи, нагрела воду, вымыла ее и ребенка, собрала, что было, свои и наши, маленькие, вещи и отдала ей. «Ты запомнила дом? Ты видишь, как я живу? - сказала мама. - Часто приглашать тебя не смогу, но раз в неделю приходи. И раз в неделю Мария с мальчиком приходила к нам. И - не поест, жизнь ее более-менее наладилась и обустроилась. Она ходила за человеческим теплом, в дом, где жили душа и доброта. Когда освободили Молдавию, Мария, попрощавшись и поблагодарив, уехала на родину. И в 46-м, помню, я тогда закончила первый класс, снова стук в дверь. На пороге стоит красивая молдаванка. «Полина Евдокимовна, вы меня не узнали? Я Мария...» Это осталось в моей жизни навсегда: Мария упала маме в ноги... «Мы выжили благодаря вам, вы обласкали, обогрели душу мою, приютили». Так мы узнали, что Мария

вернулась с ребенком домой, родители ее остались живы, а всех братьев и сестер не стало, угнали в Германию. Маша вернулась в Иваново за справками по работе, а в ее рюкзаке были молдавские яблоки - для мамы и нас...